

ГЛАВА V. Бюджет. – Невозможность норм-го налога при полит. системе, которой следуют Опп. и Прав-во. – Жалованье, пенсии, войско, флот и проч. – Гг. Тьер, Беррье, Ж. Фавр и т. зв. дем. Опп.

Обсуждение бюджета подает ежегодно повод к бесконечной болтовне, в которой, можно смело сказать, никто не видит ничего, кроме цифр во всей их арифметической и казенной наготе. Что же касается до смысла цифр, т. е. именно до того, что каждого интересует, то лучше и не спрашивайте. Для общества очевидно только то, что Оппозиция беспрестанно упрекает Правительство в излишних расходах, а Правительство не устает доказывать ей, что оно могло бы издержать еще больше. Кто прав, кто виноват в этом важном вопросе о бюджете: Оппозиция или Правительство? Вот что намерен я объяснить теперь раз и навсегда.

Само собой разумеется, что для меня не существует вопроса: какая конституция лучше? На мой взгляд все они скверны. Если только конституция полагает или предполагает нераздельность власти, т. е. централизацию, мне нечего сказать в её пользу: она несовместна со свободой, равенством, экономией. Главная обязанность депутатов состоит в рассмотрении, обсуждении и определении налога; эта обязанность необходимо заставляет его разбирать политику и действия правительства. Сейчас мы увидим, в какое ложное и безвыходное положение становится депутат, обращенный в слепую лошадь, которая

мечется в манеже.

Экономические и политические принципы рабочей Демократии нам достаточно известны. Предположим теперь, что эта Демократия, не обращая внимания на присягу, посылает в законодательное собрание своего депутата, своего действительного представителя. Обязанность этого депутата очень проста; не прибегая к уловкам красноречия, он может и должен прямо сказать Палате такую речь: «Мы, то есть мои доверители и я, мы глубоко убеждены, что ваша политическая система и, затем, ваша система фискальная построены на вздорной идее, на ложном основании. Бюджет ваш, как в целом, так и в частности, противоречит самым бесспорным принципам политической экономии.

«Первое условие правильно построенной финансовой системы состоит в том, что бюджет расходов, а следовательно и доходов, не должен возрастать бесконечно, а только колебаться, смотря по обстоятельствам, между 5 и 10 процентами с ценности национального производства; что в самом несчастном случае он не должен превосходить 10 % (la dîme, знаменитая la dîme!) и что, по возможности, ему следует приближаться к 5% (двадцатой доле). При таких условиях, не придется прибегать к займам, а тем более заключать долги текущие или постоянные. Но что вы делали? Благодаря своей рутинной политике, вы наделали то, что, со времен ликвидации Рамеля, которая так помогла Консульству и обеспечила ему три четверти его успеха, налог возвышался постепенно до 15, 18 и 20 процентов с годового производства страны; скоро он достигнет и 25%! Отсюда видно, что наши государственные расходы, которые не должны были бы превышать шести или семи сот миллионов, дойдут в течение нескольких лет до трех миллиардов! Заметьте, граждане, что я говорю не о точной цифре, а о пропорции: я говорю, что бюджет должен колебаться между 5 и 10 процентами с суммы национального производства, между тем как теперь он составляет больше шестой доли этой суммы. Таким образом, когда, желая оправдать возрастание бюджета в последние двенадцать, двадцать четыре и тридцать шесть лет, вы указываете на понижение ценности драгоценных металлов, на вздорожание припасов и остальных предметов, со включением заработной платы, и когда г. Тьер и депутаты Оппозиции соглашались с этим, – я утверждаю, что вы уклоняетесь от вопроса и стараетесь замазать дело. Страна подавлена налогами: это не подлежит сомнению. Никто не станет утверждать, что производство её превышает тринадцать миллиардов или даже достигает этой цифры; а вы заранее требуете для Правительства два миллиарда двести, триста миллионов, т. е. шестой доли этой суммы или 17 1/2 % ежегодного дохода; – вот за что вас упрекают. Но как податные сословия жалуются уже очень давно и как причины алчности казны уже известны, то мы требуем, чтобы вы занялись, наконец, политической и социальной реформой, единственным средством сократить бюджет. В противном случае, я объявляю, что имею поручение отказать вам в субсидии и должен подать голос об уничтожении всякого бюджета.

«Второе правило относительно государственных финансов состоит в том, что налог, приведенный к своему нормальному размеру, должен быть распределен равномерно между гражданами, т. е. в прямом отношении к их доходу. Отсюда двойная задача того, что называют раскладкою и уравнением налогов. Двадцать раз было уже доказано, что, при существующих политических условиях, налог распределяется между гражданами прямо в обратном отношении к их состоянию или доходу. От имени моих доверителей я требую

опять реформы системы, и реформы немедленной. Иначе я протестую против всякого налога и не вотирую бюджета».

После такой речи, представитель Демократии, вызвав ропот собрания и негодование министерства, раскланялся бы со своими товарищами и ушел домой, чтобы не возвращаться более в собрание. Что ему там делать?!

Очевидно, в самом деле, что при всей возможной энергии, при всей неустрашимости своей, ни один член законной Оппозиции никогда не будет поступать, в виду Правительства и казны, с той решительной логикой, которая заявлена Манифестом Шестидесяти. «Рабочий класс, говорят они, ждал довольно: пора перейти от надежд к действительности, от слов к делу». И в конце концов, они же сами толкуют о необходимости посылать депутатов от рабочего народа! Странные люди!

Правда ли, однако, что политическая система, которой фатально следует и Оппозиция, и Правительство, существенно несовместна с экономией издержек, так что стране приходится страдать без конца от увеличения бюджета и накопления долгов? И неужели против этого зла нет другого средства, кроме постоянного банкротства?

На этот вопрос я даю, не колеблясь, самый утвердительный ответ, такой ответ, который, как сейчас увидим, подтверждается очень легко.

Бюджет такого государства, как Франция, т. е. сильно централизованного, осужденного на безостановочное развитие правительственной опеки, под страхом быстрого и неизбежного разложения, бюджет такого государства, которое хочет братья за все, везде иметь влияние, везде распоряжаться, не может сокращаться, потому что:

- 1) в государстве, устроенном таким образом, статья непредвиденных расходов, особенно по делам внешней политики, всегда громадна, и к обыкновенному бюджету безпрестанно прибавляется бюджет чрезвычайный;
- 2) централизация, давящая и неизбежно всепоглощающая, постоянно расширяет права Государства в ущерб личной, корпоративной, общинной и социальной инициативе;
- 3) для удовлетворения этой двойной потребности, Государство вынуждено обременять все более и более податное сословие рабочих, отчего и происходит развитие дармоедства, сокращение полезного труда, словом, возрастающая непропорциональность между народным производством и государственными расходами.

Рассмотрим некоторые статьи бюджета.

I. Жалованье, пенсии

Непременное выражение монархической системы составляют ближайшие к трону лица, во всем их ложном блеске и величии. Вот почему часть бюджета, которая идет на них, совсем неуместная в социальной демократии, остается неприкосновенною в великой империи и представляет расход почти священный. Какой депутат осмелится посягнуть на него?

Присяжный, централизатор, враг сепаратизма, умеющий ладить с властями, gentleman вполне, по самому своему положению, по присяге, из приличия он откажется от идеи взаимности, федерации, уравнения. Если бы он даже и веровал в эту идею, то не посмеет заявить ее не только делом, но и словом. Это было бы безтактно, грубо, неполитично. Преобразовать общественную службу, разбить эту величественную государственную машину, – сохрани Бог! Разве такой приличный, такой благонамеренный человек и с таким умом возьмется за подобное дело? Нет, он слишком патриотичен, слишком благоразумен для этого. Разве он не знает, что может вызвать смелое слово праведного отрицания! Разве он не знает, что все статьи расходов так же солидарны между собой, как все разряды государственной службы; что нельзя касаться одной статьи, не трогая другой, и что, сокращая сумму расходов с 20, 18, 17 на 10, на 7 или на 5 процентов годового прихода страны, он убил бы всю систему государственной экономии! В виду такого переворота, у него замирает дух, трясутся ноги; он сознает, что между этою чудовищною иерархией, этим обществом откормленных тунеядцев, этим правительством, которое их защищает, этим бюджетом, который служит выражением всей системы, – между всем этим и им самим, депутатом, существует какой-то мистический договор, который побуждает его видеть утопию в каждой истинной реформе; он не посмеет нарушить этого тайного договора, хотя и не присягал ему, как присягал императору.

Служба депутата, например, переводится на язык бюджета вознаграждением в 2,500 фр. в месяц, т. е. в 15,000 фр. за шесть месяцев. Это вознаграждение еще не единственная выгода, которую извлекает из своего положения каждый депутат вообще, а депутат Оппозиции в особенности. Прежде всего, он приобретает репутацию великого гражданина, с ног до головы вооруженного на защиту общественного права, благосостояния и свободы. Если он адвокат, – красноречие его в Палате дает ему многочисленную практику; если он писатель, профессор или романист, – за него чуть не дерутся журналисты и издатели. Таким образом, настоящий представитель демократии, который решился бы произнести в Собрании речь, в роде вышеприведенной, и отказался бы затем вотировать бюджет, должен был бы не только неизбежно выйти в отставку, но, вместе с тем, и отказаться от всех выгод своего депутатского звания. Но этого именно и не сделает никогда член законодательной Оппозиции, вовсе не по жадности, может быть, а вследствие практического взгляда на свое положение и на те приличия и обязанности, которые оно налагает на него. Убежденный в пользе своего дела, он сомневается во всем, и в людях, и в вещах, и не верит в настоятельность и значение реформ, не верит ничему и сомневается во всем, благодаря опытности, приобретенной в парламенте и при дворе. И решится ли такой человек бросить государственное судно на волю ветров и волн? Оставит ли он правительство без надзора, а народную идею без выражения? Нет, нет, он не покинет своего поста... потому что присягал на верность депутатскому жалованью, виноват, я хотел сказать – на верность императору. Таким образом, если, в отношении бюджета, все вопросы политические и нравственные сводятся на простой расчёт прихода и расхода, то очевидно, что материальный интерес, побуждающий депутата присягать императору, уничтожает в нем настоящего представителя демократии.

Если, по поводу бюджета, я позволил себе коснуться крайне щекотливого вопроса о вознаграждении, то сделал это вовсе не с каким-нибудь злым умыслом, а просто с целью определить исходную точку своих доказательств. В самом деле: что я предположил

доказать в этой главе? То, что всякая реформа бюджета, необходимая для страны и удобоисполнимая в системе взаимности и федерации, совершенно несовместна с системой, которой держится Оппозиция. Сейчас это будет для нас ясно, как дважды два четыре. Если присяжный депутат, несмотря на свое звание члена легальной оппозиции, действительно так дорожит своим содержанием, то способен ли он требовать сокращения содержания, которому дано непонятное для меня название «*liste civile*»? Осмелится ли он предложить хоть какую-нибудь сставку в этой статье? Это было бы своего рода «оскорбление величества». Г. Тьер, болтающий обо всем, несмотря на свою нескромность, не решался никогда говорить об этом. Притом, такой откровенности мешает и слава великой державы, и обаяние чудного французского единства. Величие власти, врученной государю, не может, конечно, выражаться иначе, как роскошью его жизни.

Таже роскошь, таже великолепие необходимы и принцам, и принцессам, и сенаторам, маршалам, монсиньорам кардиналам, министрам и проч. В унитарном строе государства все эти привилегированные статьи, все издержки на поддержание роскоши и блеска вотируются без спора и разбора.

Итак, вот целый отдел бюджета, и один из самых значительных, отдел жалованья, на который запрещается нападать всякому депутату, все равно – остается ли он верен или втайне изменяет своей присяге. И все это зависит от того, что он сам пользуется бюджетом, сам стоит в ряду вельможных государственных людей и потому, разумеется, не захочет потребовать сокращения *liste civile*, сокращения, которое ослабило бы значение трона и, вместе с тем, унизило все положения. Ничто так не отвращает от желания реформ, как пользование властью и бюджетом. Возможно ли сокращение штатов официального люда? В Федеральной Демократии, конечно, это не встретило бы никакого затруднения; но при такой чудовищной централизации, как французская, подобное сокращение, разумеется, неуместно.

Швейцария с населением около двух с половиною миллионов душ представляет союз девятнадцати кантонов и шести полукантонов, всего двадцати пяти государств, которые независимы друг от друга, вполне самодержавны и управляются сами собой, на основании конституций и законов, обеспечивающих общую безопасность. Над этими двадцатью пятью государствами и двадцатью пятью конституциями царит федеральное собрание, орган федерального договора, избирающее из среды себя, для управления делами республики, нечто в роде исполнительной комиссии, Президент которой, настоящий глава гельветического союза, получает всего двенадцать тысяч франков! Граждане Союза находят, что этого жалованья совершенно достаточно для Президента. Рассуждая таким образом и принимая в основание тот расчёт, что высшие государственные чины должны получать вознаграждение пропорционально населению, Франция, населенная в пятнадцать с половиною раз больше Швейцарии, должна, по настоящему, платить своему президенту не более 186,000 фр. Дерзнут ли предложить Законодательному Собранию такой расчёт г. Толэн, или г. Блан, или г. Кутан?

Будем же последовательны: современная Франция, как нераздельная держава, как сильная и славная империя, управляется в денежном, бюджетном отношении такими законами, которые совершенно немыслимы в рабочей Демократии, основанной на принципах

взаимности и федерации. Насколько *liste civile*, в двадцать пять миллионов звонкою монетой с прибавкой доходов от коронных земель, показался бы непомерным расходом в системе взаимной гарантии, городского самоуправления и рабочих ассоциаций, словом федераций, настолько же, надо сознаться, подобный расход согласуется с правилами существующего порядка. Это так верно и бесспорно, что, когда в 1852 г., после государственного переворота, была объявлена новая конституция, нелепее 1830 года, тогда штатное жалование государя увеличилось более, чем вдвое: вместо 12 миллионов, которые получал Луи-Филипп, императору выдается 25 миллионов! Пусть скажут теперь г. Тьер или г. Беррье: согласятся ли они ассигновать менее 12 миллионов в год государю своей любимой орлеанской династии, если бы ей снова пришлось царствовать? И тот, и другой ответит вам, что подобная мысль крайне неприлична и что лучше уже разорвать государство на 36 клочков, чем унижить достоинство государя. Вы хотите монархии, самодержавия, – и так платите, что следует. Когда в 1849 г. учредительное собрание назначило президенту республики, главнокомандующему армии и флота 50,000 фр. в месяц, то он не мог с подобающим приличием даже угостить своих офицеров!

2) За доходами главы государства и высших сановников следуют пенсии, разные денежные пособия, под названием «*subventions, encouragements, secours*», награды, секретные выдачи и проч., все расходы на администрацию, доходящая до 150 миллионов. Я не говорю, что эти расходы должны быть уничтожены одним почерком пера, без всякого разбора. Случаются, конечно, необыкновенные несчастья, бывают вопиющие потребности, приносятся обществу великие услуги частными лицами: все это государство должно иметь в виду и относить на счет чрезвычайных расходов. При всем том, я должен сказать, что большая часть подобных расходов несовместна с порядком, который основан на взаимности услуг и на гражданской обязанности посвящать всю жизнь свою полезному труду; другими словами: большая часть таких расходов неуместна там, где люди заботятся уравнивать состояния, искоренить нищету и дармоедство, стремятся обеспечить каждому гражданину труд, обмен услуг, дешевизну жизни, и хотят заменить благотворительность и милостыню делами правды. Вот почему настоящий представитель Демократии должен непременно протестовать против всяких государственных издержек, ведущих к поддержанию тунеядства и нищеты. Присяжный демократ думает иначе: вступая в законодательный корпус, он предвидит уже день, когда выйдет оттуда, и потому соображает и рассчитывает, сколько может зашибить денег за это время; если он и не ждет ничего от старого правительства, которому оппозирует, то готов принять все от нового; одним словом: присяжный руководствуется совершенно иными соображениями. Он знает, что милость вызывает соответственные чувства: «дадим другим то же, что желаем получить сами», рассуждает он и смиренно утверждает бюджет. Статья пенсий, пособий, секретных фондов и проч., немыслимая в рабочей Демократии, неизбежна в Монархии; и вот почему эта статья остается, после *liste civile*, самой бесспорной и неотменяемой.

3) Поговорим о войске. Г. Тьер, так хорошо изучивший этот предмет, полагает, что армия в шестьсот тысяч человек на бумаге составляет не более четырех сот тысяч человек под ружьем, и что для такой великой монархии, как Франция, этого недостаточно. Менее воинственный г. Беррье, делая над собою чрезвычайное усилие, требует сокращения армии на пятьдесят тысяч человек, т. е. на 50 миллионов франков. Но вот г. Ж. Фавр, которого величают республиканцем, сразу требует объявить три войны: одну за Данию, другую за

Польшу и третью за Италию. Если бы политика г. Фавра увлекла Наполеона III, то четырехсот тысяч солдат, по расчёту г. Тьера, было бы, разумеется, мало; понадобилось бы не меньше пятисот тысяч; другими словами: пришлось бы увеличить бюджет еще, по крайней мере, на 100 миллионов. К счастью, императорское правительство сохраняет в настоящее время европейский мир; а то бы нам несдобровать!

На разность вычислений и расчётов обращать внимания не следует: все это безукоризненно последовательно. Системе домашней централизации извне соответствует политика вмешательства, преобладания и славы: одно немислимо без другого. Без постоянного гарнизона в двести пятьдесят тысяч человек французское единство разбилось бы в дребезги; без наличной армии в 150 тысяч человек, всегда готовых выступить в поход, может быть никто не уважал бы нас и даже могло бы случиться, что славнейшая и величайшая наша нация значила бы не больше какого-нибудь Черногорья или Ионических островов.

Что касается меня, то не навязывая никому своих убеждений и желая только подать другим пример трудолюбия, бережливости, благосостояния, свободы и нравственности, я объявляю, что решительно не вижу смысла во всем солдатском, военном сословии и в спутнице его – дипломатии. Те четыре или пятьсот миллионов, которые мы ежегодно тратим на эти блага, на мой взгляд совершенно пропащие деньги. С какой же стати, после этого, буду я обращать внимание, что депутат обсуждает подробности и частности военных смет, когда все расходы на войско совершенно лишни.

Один голландец спросил меня однажды: "Угадайте, как велик гарнизон Роттердама, второго города в Нидерландах, морского порта, в котором снует больше ста тысяч смешанного, шумного, постоянно возбужденного народа?" — "Полк", — отвечал я, надеясь быть умеренным. "Вовсе нет", — отвечал голландец, — "есть только караул городской стражи, которого совершенно достаточно для порядка. Голландские войска служат только на Яве и Борнео, где приходится иметь дело с дикарями".

Здесь, кстати впрочем, я сделаю небольшое отступление.

Королевство Нидерландское сохранило федеральные нравы старых Соединенных Провинций, в чем и кроется причина превосходства его цивилизации. Бельгия, напротив того, заимствовала у нас администрацию, военное устройство, конституционную монархию, парламентаризм; буржуазия её создалась по образцу нашей. Так называемая либеральная партия стала, подобно нашей, партией реакции, и всеобщую подачу голосов требуют... клерикалы!! Со времени своего отделения от Голландии, та самая Бельгия, которая должна была возвеличиться, – видимо клонится уже к упадку. Неужели виной тому отделение? Нет, тут виновата государственная система. Долг Бельгии около 700 миллионов. Отчего он явился? Он произошел, благодаря развитию централизации и военщины. Уничтожьте военщину и централизацию, и Бельгия не только перестанет должать, но даже сделает экономию. К сожалению и здесь, в Бельгии, то же зло порождает те же бедствия; та же гнусная тактика внушает те же идеи, которые приведут, наконец, к тем же губительным последствиям, как и во Франции. В Бельгии существует рабочая демократия, достойная вступить в братский союз с демократией французскою; может быть, в некоторых

отношениях, она и превосходит французскую. Поймут ли они, однако, друг друга?

4) Флот. Наш патриотизм оскорбляется превосходством английского флота перед французским и решительным преобладанием на море наших соперников. Г. Беррье стал в последнее время оракулом этого патриотического чувства. Кто же виноват? Чтобы иметь многочисленный и сильный флот, надо уметь его поддерживать; но вот торговый трактат наносит ему жесточайший удар (см. ниже, гл. IX), а почтенные члены демократической Оппозиции всеми силами защищают этот трактат. Для нас, правда, есть средство сравняться с англичанами, средство экономичное, мирное и демократическое; средство состоит в том, что нам следует вступить в союз с такими сильными государствами, как Россия и Германия, чьи флоты, в соединении с нашим, восстановят равновесие. Но Оппозиция постоянно требует, чтобы мы объявили войну России и Германии на половинных издержках с Англией! Таким образом, не будучи в состоянии ни пополнять свои кадры с помощью флота торгового и рыболовного, ни находить сильных союзников, ни признавать преобладания Англии, императорскому правительству по неволе приходится требовать от народа громадных средств на содержание флота. Г. Дюпюи де Лом, комиссар правительства, объяснил все это с подавляющей логикой, опираясь на страшную массу цифр. Как больно видеть, сколько сокровищ приносится в жертву бессмысленной политике, сколько великолепных судов осуждается на бесцельную перевозку солдат и пушек! Невольно сообразишь, что одной четверти всех этих расходов, т. е. 25 или 30 миллионов, ежегодно ассигнуемых не на премии судовладельцам, а на поставку железа, дерева, меди и каменного угля, было бы совершенно достаточно, чтобы в короткое время у нас появился такой сильный, как по личному, так и по материальному составу, флот, каким гордятся Соединенные Штаты и Англия.

И почему наша Оппозиция косится на Россию и Германию? Потому что Россия, вместо того, чтобы восстановить самовластье польской знати, решила, вслед за освобождением и наделом своих крестьян, наделить землей и крестьян польских; еще потому что, с присоединением Гольштинии, союзная Германия стала морской державой, от которой меркнет яркий блеск Великобритании и наш собственный. Но зачем же поддерживать политическое единство такой дорогой ценой, если оно не дает нам преобладания на суше и на море? Люди труда, люди взаимности, управляя государственными делами, радовались бы этому прогрессу земледельческих классов России и Польши, равно как и развитию германской федерации. – Но стоит ли беспрестанно повторять, что гг. члены Оппозиции смотрят на вещи иначе. Эти люди – централизаторы, унитары, конституционные буржуазы; они в стачке со всеми аристократиями Европы. Эти люди, принимая Наполеона I за образец, а Наполеона III за орудие, играют роль: одни претендентов на президентство единой и нераздельной Республики, другие – Монков.

Кто-то, кажется г. Тьер, сказал, что деятельность Франции громадна, и что для поддержания этой громадной деятельности требуется соответственное питание, т. е. сильное, предприимчивое правительство и большой бюджет.

Заметьте, читатель, что здесь идет речь не о рабочей, земледельческой и промышленной Франции, которой я никогда не откажу в необходимости широкого развития. Нет, здесь идет вопрос о Франции централизованной, управляемой, подавленной налогами, о той самой

Франции, которая то сражается, то дипломатничает, то наконец, барышничает на счет своего собственного богатства, или, желая удвоить его, проматывается на вздорные предприятия. Здесь говорится о Франции непроизводительной, все инстинкты, потребности, чувства, понятия которой не имеют ничего общего с остальной Францией, и в которой громадная деятельная сила то наводит страх на всю Европу, то изнуряет страну, то, наконец, совершенно замирает. И так, вот эту самую Францию желал бы я видеть преобразованною так, чтобы одновременно создалась в ней система политических и экономических гарантий, которая дала бы каждому из нас, каждому из наших городов, каждой провинции и всей нации вчетверо более той силы, какую совершенно напрасно отнимает у нас пагубная централизация. Слишком хорошо я знаю, что далек еще тот день, когда подобные желания будут понятны даже тем, которые должны понимать их и стремиться к их осуществлению. Предположите, что один из нас, социалистов, заявит подобное желание в законодательном собрании: все товарищи такого депутата предадут его анафеме, как чудовище; практическая демократия объявит его изменником отечества, врагом национальностей, агентом коалиции; и если, после такого скандала, он не поторопится убраться, то его не замедлят выпроводить.

5) Алжир. После тридцати пяти лет нашего владения Алжиром надо было надеяться, что там будет до пятисот тысяч европейских семейств; то есть, что там накопится, по крайней мере, два миллиона жителей, французов и чужестранцев, большею частью земледельцев-собственников. Население это должно было бы составить, на всем протяжении от Бона до Орана, приморскую федерацию такой же величины, как Швейцария; она должна была бы управляться сама собой, иметь свои провинциальные съезды и общее собрание, свой исполнительный совет, свое муниципальное управление; все сношения подобной федерации с метрополией должны были бы ограничиваться торговыми и промышленными делами и, только временно, командировкою военных отрядов, постепенно сокращая их численную силу. Притом, содержание этих отрядов должно было бы падать на счет Алжира, который распорядился бы ими, как Карл X швейцарцами.

Исполнить этот план было очень легко. Земель, и превосходных земель в Алжире довольно. Эти земли следовало не продавать, а отдавать даром всем, желавшим селиться в Африке со своими семьями, с целью возделывать почву своими собственными руками. Тем, которые не имели средств на колонизацию и первоначальное обзаведение, следовало обеспечить бесплатный переезд и снабдить на первый год семенами для посева, рабочим скотом, земледельческими орудиями и продовольствием.

Следовало бы также сократить на три года срок службы тем из солдат, которые соглашались переехать с женами на житье в колонию; эти переселенцы составили бы таким образом настоящие кадры национальной гвардии и туземного регулярного войска. Для устройства этой африканской Франции было бы достаточно и половины того, что Франция истратила в Алжире в течение тридцати четырех лет.

Вот чего требовали действительные нужды метрополии и высшие экономические соображения, независимо уже от расчётов государственного казначейства.

В 1830 г. земледельческое население Франции относилось к остальному, почти как 24:8; т. е. из тридцати двух миллионов жителей было 24 миллиона земледельцев. Это значит, что три четверти населения Франции занималось тогда преимущественно производством предметов продовольствия; этим обуславливалось сравнительно высокое благосостояние, о котором любят вспоминать теперь наши старики. Было в ту пору меньше роскоши, за то больше довольства, и жилось гораздо легче и дешевле.

С 1830 г. отношение земледельческого класса ко всему населению сильно изменилось: число сельских жителей не превышает теперь двадцати четырех миллионов, а может быть даже и не достигает этой цифры, между тем как промышленное население, вместе с чиновниками, солдатами, духовенством и проч., возросло более чем на четыре миллиона. В этом и заключается причина дороговизны. Съестные припасы должны были вздорожать:

1. вследствие того, что число желудков, которые нужно прокормить, увеличилось на 4 или 5 миллионов;
2. вследствие того, что оставшимся рабочим земледельческого класса пришлось работать больше прежнего, а следовательно и за высшую плату.

Чтобы поддержать status quo пятнадцати лет Реставрации, с точки зрения народного благосостояния, при размножении классов промышленного, военного, чиновничьего, артистов и проч. с 8 миллионов до 12, сельское население должно было бы размножиться с 24 миллионов до 36, а вместе с тем и самая территория Франции увеличиться с 52 миллионов гектаров до 72. Если бы даже мановением магического жезла Франция присоединила к себе в то время и Рейнские провинции, и Бельгию, и Голландию, то все эти страны, населенные рабочим народом, почти умирающим с голоду, разумеется, не спасли бы ее от развития нищеты. Против подобного зла нужно было придумать другое, более верное средство.

Завоевание Алжира разрешало задачу народного пропитания. Оно давало нам землю, давало нам средство кормиться и требовало от нас только рабочих рук, которых было у нас вдоволь. Обеспечивая дешевизну сырых продуктов, Алжир позволял нам спокойно заниматься развитием всех прочих отраслей промышленности и тем самым способствовал нашему обогащению.

Но увы! Государственная система наша воспротивилась всему этому. Колонистам отказали в земле; ее стали раздавать в аренду разным привилегированным компаниям. Буржуазия вошла во вкус подобных арендных раздач, и правительство не нашло ничего лучше, как воскресить старый феодализм. Но раздавая земли, правительство должно было наделить новых феодалов и рабами, которые работали бы бесплатно: для достижения этой цели у него не хватило, однако ни смелости, ни сил. Колонизация Алжира не удалась совершенно. И вот, с отчаяния, правительство стало уже помышлять о том, чтобы обратить Алжир в военную школу и марсово поле. С этой самой поры, централизация, отрицающая свободу, усиливается в Алжире преобладанием военной власти, и труд решительно убивается. Итак, завоевание 1830 г. завоевание, купленное дорогою ценою крови наших сограждан, завоевание, на которое возлагала столько надежд наша нация, стало уже невыносимым бременем для Франции, даже по уверению её государственных людей. Мы опустошили

Африку; выгнали бедуинов, турок, кабиллов, и что же? В той самой стране, которая была золотым дном для римлян, не насчитывается и 150 тысяч французов обоего пола и всех возрастов! И здесь, в Алжире, точно так же, как и в Канаде или в Луизиане, Сан-Доминго, Восточной Индии, мы, французы, оказались неспособными владеть землей и пользоваться ею.

Что же придумали, однако, наши депутаты Оппозиции для оживления и развития страны, попавшей в наши несчастные руки? Они, эти умные депутаты решили только... удвоить число алжирских депутатов!.. Не будь мы сами свидетелями такого решения, никогда бы нам не приснилось даже, что какая-нибудь страна огласилась с высоты трибуны подобною возмутительной нелепостью.

б) Каверзы Оппозиции. Итак, Оппозиция, в силу своего принципа, общего у неё с правительством, осуждена вотировать бюджет целиком и, потому, может вести с властью только пустую игру на словах. Оппозиция порицает экспедицию, которая ей не нравится, и одобряет другую, предлог которой несколько не разумнее. Оппозиция критикует письмоводство, счетоводство правительства; она прибавляет, убавляет, выкраивает, урезывает; она предлагает замысловатые поправки, задает вопросы тоном недоверия... Восемнадцать лет царствования Луи-Филиппа прошли в этой пошлой игре, которую теперь вздумали продолжать. Г. Вюитри, отвечая г. Тьеру от имени правительства, имел полное право сказать, что из бюджета в 2.300,000,000 франков г. Тьер не исключит и 10 миллионов. Стоит ли, после этого, называться членом Оппозиции! И какая заслуга забавлять, в течение полугода, все законодательное собрание бесцельной болтовней?

Правительство захотело сделать заем в 300 миллионов фр. и тотчас же получило согласие. Кто решился бы помешать правительству исполнить свои обязательства, остановить работы, отнять хлеб у ста тысяч рабочих, стеснить действие власти? И вот, соглашаясь на заем, г. Тьер придумывает, однако, разные каверзы, которые до такой степени затрудняют всю операцию, что министерство не в состоянии выполнить ее, как следует, и может уронить себя в глазах народа. Комиссару правительства не трудно, разумеется, выставить на вид подобное обстоятельство. к чему же ведет, однако, парламентская ловкость г. Тьера? К чему вся эта тактика Оппозиции?! И мы пошлем своего депутата, от имени рабочего народа, играть с такими каверзниками и в такую шулерскую игру? Никогда!

Передо мной лежит ряд поправок, предложенных гг. депутатами демократической Оппозиции.

В числе этих бессмысленных поправок находится и следующая:

«Ассигновать: 1) 50,000 франков на изучение (!) проекта закона о начальном, бесплатном и обязательном для всех образовании; 2) 200,000 франков на пособие отставным учителям, и 3) шесть миллионов фр. на устройство женских школ».

Вот уловка, которая употребляется для заявления принципа бесплатного и обязательного образования и, притом, с целью приобрести популярность! Но даровым, бесплатным называется только то, что никому ничего не стоит... и что же? Наши превосходные депутаты

требуют на одно лишь начальное образование миллионы и сотни тысяч франков! И так ясно, что эту сумму заплатят плательщики податей. Мало того: доказано уже, что всякая подать ложится на каждое семейство в обратном отношении к его средствам, то есть взимается с рабочих бедняков, а не с богачей, и потому, в конце концов, всегда и за все неизбежно платит один только народ. Теперь спрашивается: может ли народ платить более того, сколько он уже платит? – получит ли он, взамен всех своих пожертвований, это желанное образование? Могут ли дать его? И будет ли оно, наконец, на чтонибудь пригодно?... Обо всем этом мы поговорим в одной из следующих глав.

Чудная система всевозможных сборов, поборов и бесчисленных статей налогов, о которых рассуждали и спорили с правительством все наши оппозиции, в течение семидесяти пяти лет, – ничто иное, как подкладка политической системы, которую, между прочим, воплощает и настоящая империя. Кто вотирует бюджет, тот непременно защищает подобную систему, кто утверждает его, тот значит, в то же самое время, предполагает и ее. Споры, более или менее горячие, какие ведет Оппозиция с министерством, ведутся только для очистки буржуазной совести, которая требует, чтобы бюджет проверялся, обсуждался и утверждался; на самом же деле, все эти споры совершенно бесполезны, потому что не касаются вовсе принципов, а вращаются только на вздорных мелочах и подробностях. Такая забава была причиною падений разных министерств, порядков и династий; при всякой перемене обстоятельств, новое правительство изменяло так или иначе свой политический тон, свою министерскую тактику, а бюджеты по прежнему росли, да росли. Соглашаясь на общий итог налогов, правительство и партии, министерство и оппозиция спорят только о том, как назвать ту или другую статью бюджета и под каким благовидным предлогом утвердить ее. Но этот самый общий итог налогов и отвергается рабочею Демократией потому именно, что она отвергает всю систему централизации. С какой же стати избирать нам представителей для поддержания подобной системы?!

7) Окончательная ликвидация. Европа монархическая, аристократическая, буржуазная, епископская и папская, короче – Европа консерваторская подавлена таким долгом, который превышает сумму шестидесяти миллиардов!

Этот долг накопился, большею частью, со времени французской Революции, с 1789 года. С этой поры он не переставал возрастать и растет теперь безостановочно. Таким образом, долг Франции, сокращенный, после ликвидации Рамеля в 1798 году, до 40 миллионов процентов, то есть, считая по 5%, на сумму 800 миллионов, увеличился уже в 1814 г. до 63,507,637 франков пятипроцентной ренты, а в 1857 году возвысился до 511,525,062 фр. годовой уплаты процентов.

В настоящее время достоверно известно, что долг Франции превышает десять миллиардов или 10,000,000,000!

Где кроется причина, постоянная и неизбежная причина всех государственных долгов? На этот вопрос я отвечал уже в начале настоящей главы: причина кроется в том безобразном порядке политической централизации, который побуждает государство беспрестанно увеличивать свои расходы, как домашние, так и заграничные. С 1798 по 1814 г., во все время Консульства и первой Империи, возрастание долгов было относительно слабо, потому

что значительная часть чрезвычайных расходов покрывалась контрибуциями, которые налагал император на побежденных чужеземцев. Но в 1815 г. они взяли перевес, и Франция, пострадавшая от нашествия, была осуждена, в свою очередь, на уплату миллиарда контрибуции; таким образом оказывается, что на первую империю падает часть настоящего долга Франции. Не прошло еще и пяти лет, как фантазия единства успела уже подорвать финансы Италии и породила в ней такой ужасающий дефицит, который, по всем вычислениям, выражается долгом в пять миллиардов! Та же самая бешенная страсть к единству, которая разорила Италию, стоила громадных издержек американской республике: по расчёту некоторых финансистов, одни только Северные Штаты задолжались на сумму 16 миллиардов; если к этой сумме прибавить еще долг Юга, то в итоге окажется, что весь долг Американских Штатов, вероятно, не меньше 20 миллиардов.

Система династическая и буржуазная, которая создала в главных центрах цивилизации такую страшную пропасть долгов, та система, которая тщеславно величает себя названием партии «охранительной и экономной», может ли она или надеется ли, по крайней мере, уплатить когда нибудь свои долги? И как рассчитывает она управиться с этим делом?

Отвечать на подобный вопрос легкомысленно не приходится.

Прежде всего следует заметить, что в мире консерваторов, в мире династическо-буржуазном, который гордится своим девизом «Порядок и Свобода», укоренилось убеждение, будто ни одно великое государство не может существовать без долгов более или менее значительных. Это мнение кажется, на первый взгляд, до такой степени нелепым и противным основным правилам экономии, что большинство экономистов указывает на него с крайним сожалением. Но взглядываясь в него поближе, скоро замечаешь, однако, что оно вовсе не так нелепо, как думается сначала. Дело в том, что всякий государственный долг, постоянный или текущий, в таких государствах, как Франция, Англия, единая Италия, Австрия и т. д. – ничто иное, как привязь, которая заставляет лихоимца, получающего доходы, держаться за бюджет; говоря другими словами: государственный долг ничто иное, как союз или, вернее, стачка консерваторов с правительством; вот почему они так и дорожат его участью. Кому не случалось слышать суждения, что государство, обремененное долгом в десять миллиардов и дающее поживу миллиону кредиторов, избавлено от всякой опасности?! Такова была политика Цезаря: чем больше делал он долгов, тем значительнее становилось число его приверженцев.

Мне не замедлят, конечно, возразить, что кредиторы государства только получают законный процент со своих капиталов и потому вовсе не похожи на барышников, монополистов или взяточников. На подобное возражение я даю такой ответ: государственные займы вообще заключаются на лихвенные проценты, по 6, 7, 8 и даже по 10 на 100. Мало того: при законном проценте 5 на 100, капиталы буржуазов, отданные в займы правительству, все-таки приносят барыша вдвое больше, чем земля дает дохода; в этом обстоятельстве и кроется главная причина непомерного возвышения процентов за ссуду денег, возвышения, которое имеет своим последствием страшное вздорожание цен на квартиры и на все товары вообще, что разоряет, разумеется, массу народа и обогащает одних ростовщиков.

Итак, отсюда ясно видно, что политика консерваторов, поддерживаясь долгами, конечно, не заботится погашать их. Унитарная система нуждается в долгах.

— Однако, скажут мне, не могут же долги возрасти бесконечно? Если уже сумма ежегодных процентов в 500 миллионов стала теперь для нас тяжелым бременем, то нам не будет никакой возможности взять на себя уплату миллиарда процентов...

Тут именно и следует дать себе отчет в той финансовой системе, которая господствует в каждом правительстве, основанном на централизации и единстве.

Нет сомнения, что кредиторы государства понимают очень хорошо, что государственные долги не могут увеличиваться без конца: рано или поздно, путем долгов всегда доходят до банкротства. Кредиторы соображают это; но чего им опасаться? Подписавшись на разные займы, из которых последовательно образовался долг государства, разве они, кредиторы, не помещали своих капиталов на такие проценты, которые вдвое, втрое, а иногда и вчетверо выше обыкновенных доходов с земли? Разве они, публичные лихоимцы, не получали этих процентов в течение пятидесяти, семидесяти пяти, ста и ста пятидесяти лет? Разве они не успели вернуть своих денег десять или двадцать раз? Разве, при этом, они не умножали своих барышей ажиотажем и биржевой игрой? Разве, наконец, им неизвестно, что, даже в случае государственного банкротства, они потеряют не все, потому что сокращение долгов будет не общее, и таким образом, после ликвидации, положение их станет еще сравнительно гораздо лучше прежнего?!

Итак, насколько централизация и политика её запутывается в долгах, настолько не боится она пострадать от банкротства.

«История представляет множество примеров частных банкротств. Не говоря уже о подделке монет при Филиппе Красивом, мы находим в позднейшие времена следующие факты:

«Царствование Генриха IV. – Сюлли понижает проценты, которые уплачивались кредиторам при прежних королях.

«Царствование Людовика XIV. – в управление Демаре прекращается уплата капитала и процентов множества займов, а именно вкладов заемной кассы.

«Царствование Людовика XV. – После взрыва банка Ло, произвольно сокращается сумма государственного долга. Вскоре за тем, аббат Терре отказывает в уплате значительного числа долговых обязательств государственного казначейства.

«Французская революция. – Кредитные билеты и ассигнации, выпущенные во время Революции, падают в цене. В 1798 г. министр Рамель сокращает государственные долги на две трети их суммы.

«Временное правительство. – в 1848 г. правительство республики, получив в наследство огромный дефицит, оставленный орлеанской монархией, предлагает вкладчикам сберегательных касс и кредиторам казначейства, взамен настоящих денег, новые процентные билеты. Это была просто правительственная сделка; при этом люди даже очень

почтенные советовали правительству объявить себя банкротом начисто.» (См. Руководство биржевого спекулятора. «Manuel du Spéculateur à la Bourse.» 1857).

И вот теперь, после всего, что так часто повторялось в нашей истории, разве нам не придется испытать, рано или поздно, старых бедствий, старых зол? И вот теперь, предвидя этот роковой час расплаты, я спрашиваю: разве удастся рабочим классам обеспечить свою будущность и поддержать свои интересы, если станут их подстрекать на выборы, которые могут, в конце концов, сделать народ сообщником ненавистного для него экономического порядка, от которого он так страдает?

Версия #5

Зверобой создал 22 марта 2025 17:08:38

Зверобой обновил 11 июня 2025 15:30:21